

Глава 8

КОГНИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА: ТРАДИЦИЯ, ОПЫТ, ВОООБРАЖЕНИЕ*

Умение ориентироваться в пространстве — одна из ключевых особенностей живых существ. Но по сравнению со многими животными, человек имеет куда более ограниченные способности. Мы с трудом различаем далекие предметы, слабые запахи и звуки, и едва смогли бы отыскать дорогу до определенного места, не имея специфического инструмента — памяти.

Человек всегда имеет определенное геометрическое представление о пространстве, в котором живет, и о своем местонахождении в нем. Психологи установили, что, когда мы идем по городу, любой поворот влево или вправо воспринимается нашим сознанием как поворот на 90 градусов¹. Так в воображении формируется карта, которую впоследствии можно зафиксировать на поверхности, отобразив свое представление о пространстве.

В.А. Подосинов пишет о влиянии психофизиологии на геометрическое восприятие реальности, замечая, что *«все системы ориентиров имеют в своей основе психофизиологическую природу человека»*². Уже в неолите можно выявить «понятные» нам модели репрезентации: *«Неолит Передней Азии впервые дает доказательства существования представлений об определенной организации предметов в пространстве, простейшими координатами которого наряду с верхом и низом были четыре направления, более или менее соответствовавшие четырем сторонам света»*³.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект No 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII-XVIII вв.)).

¹ Venetikidis Aris. Mental maps and spatial thinking. URL: https://www.ted.com/talks/aris_venetikidis_making_sense_of_maps?utm_campaign=tedspread&utm_medium=referral&utm_source=tedcomshare (дата обращения: 10.06.2020).

² Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi: античность и средневековье. М.: ЯСК, 2013. С. 27.

³ Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анау-

Но несмотря на то, что ориентирование в пространстве обусловлено психобиологическими когнитивными свойствами нашего сознания, достоверность и «объективность» восприятия этого пространства всегда вызывала вопросы, отличающиеся в зависимости от представления об «объективном».

В христианских текстах сакральность пространства обуславливала восприятие внешнего с помощью внутреннего духовного взора. Материальная реальность сакрального могла быть как согласована с известной географической реальностью, так и выносима за ее пределы. Об изменениях в практиках репрезентаций можно судить на примере описаний Рая и размышлениях о когнитивных инструментах его «освоения».

Святой Августин высказывал три предположения касательно расположения Рая: *«Первое из них принадлежит тем, которые Рай хотят понимать только в телесном смысле, другое — тем, которые понимают его исключительно духовно; третье — тем, которые принимают Рай в том и другом смысле: иногда в телесном, а иногда — в духовном. Дабы быть кратким, признаюсь сразу, что мне представляется наилучшим последнее мнение. <...> так и Рай, в котором поместил его [Адама] Бог, был не что иное, как известная местность, то есть страна, где мог бы обитать земной человек»*⁴. Уже здесь видно разделение пространства на материальное, то есть математически измеримое, и духовное, постижимое только особым внутренним взором.

Ю.М. Лотман отмечает, что разделение пространства на «земное» и «небесное», распространенное у средневековых мистиков, отвергалось «реалистически» мыслящим ортодоксальным православием. Примером служит письмо Новгородского епископа тверскому владыке: *«И нынѣ, брате, мнитъ ти ся мысленый рай, но все мыслено мнится видѣниемъ. А еже Христось рече въ Еуангелии о второмъ пришествии, и то ли мыслено скажете?»*⁵.

ской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. История и культура. М., 1981. С. 14.

⁴ Блаженный Августин. Творения (Том второй): Теологические трактаты / сост. С.И. Еремеева. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. С. 497.

⁵ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 246.

Дискуссия об инструментах познания «сакрального» пространства в начале XIV века будет представлена на страницах *«Божественной комедии»* Данте Алигьери в эпизоде, где главный герой в восьмом круге ада встречается с Улиссом.

Улисс излагает историю своих странствий. Расставшись с Пенелопой и детьми, он отправляется «изведать мира дальний кругозор», чтобы увидеть «оба берега, Марокко, / Испанию, край сардов, рубежи / Всех островов, раскиданных широко». Улисс решается войти в пролив, «в том дальнем месте света, / Где Геркулес воздвиг свои межи, / Чтобы пловец не преступал запрета», фактически проникая физически на территорию сакрального, встроенного в произведение Данте в земную топографию. «Геркулесовы столбы», начиная со времен античности, служили обозначением границы географического мира, и, в отличие от Данте, Улисс проникает на эту территорию, понуждаемый любопытством и жадной новых знаний, а не благодаря духовным усилиям или божественному благословению. Он обращается к команде: «Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанию рождены». Попытка столь дерзкого и субъективного постижения сакрального должна быть наказана, и корабли Улисса, приблизившиеся к горе Чистилища, попадают в шторм и тонут: «Когда гора, далекой грудой темной, / Открылась нам; <...> Три раза в быстрине водоворота; / Корма взметнулась на четвертый раз, / Нос канул книзу, как назначил кто-то, / И море, хлынув, поглотило нас»⁶.

Путь к истинному знанию лежит, по версии Данте, вне рациональных практик, требуя особого духовного взора для своего преодоления. Уже то, что Данте, как и до него Августин, разделяет эти практики, говорит о некоторой неоднозначности и размытости границ пространства материального и духовного. Однако встреча Данте и Улисса видится Ю.М. Лотману не конфликтом рационального и духовного, а предчувствием начала ренессансной культуры, выраженной в стремлении *«к вычленению отдельной личности, ее специализации, приводившая к разделению ума и совести, науки и нравственности»*⁷. Иными словами, размываются границы «объек-

⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 118–119.

⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 255.

тивного». Индивидуальные представления о реальности начинают претендовать на статус «объективного» знания.

В конце XV века в письме Изабелле и Фердинанду X. Колумб пишет: *«Я полагаю, что если бы я прошел ниже экваториальной линии, то, добравшись тут до наиболее высокого пункта, я обнаружил бы еще более мягкий климат и перемены в расположении звезд, а также и другие воды. Но я не направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на земле, не потому, что здесь непроходимые моря, а поскольку я верю — именно там находится Рай Земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения»*⁸.

Хотя он признает ограниченность человеческих способностей в постижении реальности, он ставит собственные субъективные знания выше устоявшейся традиции и высказывает критику относительно представлений о Земле как о шаре. Несмотря на то, что он *«не раз читал, что мир — суша и вода — имеет форму шара, и авторитетные мнения и опыты Птолемея и других, писавших об этом, подтверждают и доказывают подобное»*, он заключает, исходя из собственных наблюдений и размышлений, что *«земля не круглая и не имеет той формы, которая ей приписывается, а похожа на грушу совершенно округлую, за исключением того места, откуда отходит черенок: здесь Земля имеет возвышение и похожа она на совершенно круглый мяч, на котором в одном месте наложено нечто вроде соска женской груди»*⁹. Реальность, имеющая божественное происхождение, могла принимать в сознании авторов самые замысловатые формы, но теперь автор пользуется в первую очередь личными представлениями об этой реальности.

Схожий субъективизм встречается в текстах Америго Веспуччи, например, в описании радуги (1504): *«Многие вещи, которые я тщательно исследовал в этом полушарии, позволяют мне возразить взглядам философов, ибо мои взгляды совершенно противоположны. Среди прочего я видел ночную радугу, то есть небесную арку, которая к полуночи была совершенно белой. Ныне, распространено*

⁸ Колумб Христофор. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия // Хроники открытия Америки. Книга I / пер. Я.М. Света. М.: Академический проект. 2000.

⁹ Там же.

мнение, что радуга берет цвет из четырех элементов: красный от огня, зеленый от земли, белый от воздуха и синий от воды. <...> Я видел эту радугу два или три раза; и я не одинок в своих размышлениях на эту тему, поскольку многие моряки придерживаются того же мнения»¹⁰.

В картографии XVI века роль личного эмпирического знания постепенно начинает превалировать над традиционным представлением о реальности, опирающимся исключительно на мнения авторитетов. Каталонский атлас, выполненный ок. 1375 г. А. Крескером, содержит в себе достаточно много мифопоэтических сцен. Автора атласа не удивляет, что воспользовавшийся хитростью сатаны Александр Македонский запер за Каспийскими горами Гогов, Магогов и различные расы, поедающие сырое мясо и ожидающие смерти от огня, когда в мир явится антихрист. Крескер передает эту информацию, не выражая ни малейшего сомнения в ее достоверности. Можно было бы сказать, что вымысел этой истории очевиден и без пояснений, и она подается как очередная легенда, но через сто лет в 1490 г. на карте Фра Мауро этот сюжет будет представлен совершенно иначе.

Фра Мауро критически подходит к описываемой информации, сообщая, что известная история о народах, запертых Александром, ошибочна, поскольку «не представляется возможным, чтобы столь большое количество народов оставались неизвестными, учитывая, что эти регионы хорошо известны». А о будущем явлении антихриста он пишет: «эта ошибка связана с трактовкой Священного Писания, когда люди видят то, что хотят увидеть». Тем не менее он подтверждает свои слова ссылками на авторитетные источники, упоминая Августина и Николая Лира, отрицавших, что Гоги и Магоги поддержат Антихриста. Он готов смириться с существованием этих народов, но только разместив их севернее, подальше от границ известного мира, «в крайнем пределе мира, между северо-востоком и севером, и заключенными океаном и скалистыми горами с трех сторон»¹¹.

Постепенно свидетельства путешественников вытесняют мифопоэтические образы все дальше в область неизведанного, а ос-

¹⁰ *Amerigo Vespucci. Mundus Novus. 1504 / Lester. Foster, 1856. P. 217–218.*

¹¹ *Волк М. Перевод на русский Каталонской карты и карты Фра Мауро. URL: <https://www.kramola.info/blogs/letopisi-proshlogo/perevod-na-russkiy-katalanskoy-karty-i-karty-fra-mauro?page=5> (дата обращения: 01.06.2020).*

нованное на опыте эмпирическое знание становится главным инструментом «объективного» познания: «кто хочет поспорить с этим, должны знать, что у меня есть свидетельства очень достойных людей, которые видели это своими глазами», — пишет Мауро. В дальнейшем документальность свидетельств будет подтверждаться изображениями и артефактами, привозимыми путешественниками, но и личное наблюдение будет являться куда более надежным источником, чем пересказ услышанных историй. Как отмечает Пиама Гайденко: «В эпоху Возрождения человек становится центром мироздания, а человеческое око — центром этого центра. В эту эпоху мир, как он открывается нашему глазу, претендует встать на место мира, как он открывался уму»¹².

Традиционное знание, зависевшее от вербальных, то есть письменных источников и устных преданий, постепенно дополняется данными, полученными эмпирическим путем и представленными в виде непосредственно наблюдаемых явлений, запечатленными в виде изображений или описаний. Изображения в виде карт и схем становятся равнозначными реально наблюдаемым объектам, что хорошо видно на примере трансформации функционального назначения географических карт.

В 1569 г. Герард Меркатор публикует карту, озаглавленную: «Новое и более полное представление о земном шаре, адаптированное для использования в навигации». Помимо географических сведений он приводит методологические основания, которыми впредь должны пользоваться картографы. Проекция на плоскости, по его словам, должна максимально отражать формы, представленные на сфере, а расстояния и размеры земель должны соответствовать истине: «Для этого мы соблюдали величайшую осторожность, сначала сравнивая диаграммы кастильцев и португальцев друг с другом, а после сравнивая их с большим количеством записей печатных и рукописных»¹³. Он признает невозможность отказаться от имеющих-

¹² Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. С. 109.

¹³ Text and translations of the legends of the original chart of the world by Gerhard Mercator issued in 1569 // Hydrographics Review. 9/2. 1932. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/ihr/article/view/28409/1882521164> (дата обращения: 10.06.2020). P. 11.

ся сведений об устройстве мира, но призывает подходить к ним с предельной осторожностью и утверждает, что картограф должен зафиксировать все части вселенной известные древним, учитывая при этом возможные недостатки картографии прошлого¹⁴.

Сопоставление данных является для Меркатора важнейшим методом познания истины. Он призывает устранять все явно ложные факты, оставляя только самые вероятные и содержащие только самые здравые суждения. При этом не следует отменять сведения картографов прошлого, а нужно сопоставлять их, выявляя истину. Так, например, следует доверять Птолемию, поскольку его карта «является результатом труда многих веков и многих людей», и «невозможно, чтобы она сильно отличалась от истины»¹⁵.

С развитием печатного дела новые сведения о пространстве распространяются все быстрее. Все большее количество людей получает возможность сопоставлять информацию из разных источников, конструируя собственную картину мира. Количество печатных изданий и оригинальных работ со второй половины XVI века во многом определяет, какие практики описания пространства будут распространены в тех или иных странах. Основная часть печатной литературы посвящается описанию устройства мира. Изначально это тексты, восходящие к библейско-апокрифической традиции, но постепенно начинает публиковаться все больше сочинений, основанных на субъективных наблюдениях путешественников. В середине XVI века английские купцы и дипломаты берут на себя исследовательские функции, фиксируя образы пространства сообразно выданным им инструкциям.

Личный опыт, который, казалось бы, по своей «объективности» не может превосходить традиционные представления о реальности, с развитием технологий воспроизводства знания становится равен достоверному изображению реальности.

Представители английской торговой компании, отправляющиеся во второй половине XVI века в Московию, фиксируют реальность, называя основным источником информации собственные наблюдения.

Р. Джонсон, шкипер в экспедиции 1556 г., описывает обряд умерщвления и последующего воскресения, наблюдаемый им у са-

¹⁴ Ibid. P. 13.

¹⁵ Ibid. P. 35.

моедов. Роль воскресшей жертвы выполнял местный жрец. Когда автор пожелал убедиться в смерти жреца, его остановили, сказав, «что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрешь». Для Р. Джонсона, как и для остальных англичан в Московии, только личные наблюдения могут являться источником знаний об устройстве мира. Видеть своими глазами, значит познавать реальность, но для народов, использующих другие модели фиксации реальности, подобное рассуждение немыслимо — для них «плотское зрение» никогда не сравнится в гносеологическом плане с духовным взором.

Для англичан же нет более достоверного свидетельства, чем личный опыт. Р. Ченслер пишет: «Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить»¹⁶. Уильям Барроу, в 1558 г. составивший карту северных морей, утверждает, что познание истинного устройства мира может быть основано только на личном опыте. Теоретические знания гидрографии не могут существовать отдельно от практик мореплавания, которые в свою очередь основаны на знании астрономии и космографии, арифметики и геометрии, «составляющих два устоя всех наук», «так, необходимейшим образом наука и разум завясят от практического опыта»¹⁷.

При этом многие образы, представленные в текстах, могли быть вымышленными, и сами путешествия могли совершаться в воображаемом пространстве, но авторы будут настаивать на их достоверности и на том, что вся информация, представленная в текстах, основана на личном опыте. Филипп Гоув отмечает важную характеристику травелогов, написанных до конца XVIII века: «Автор может объявить в заголовке или подзаголовке, что он написал басню, восточную сказку, юмористический рассказ или исторический роман, но он вряд ли скажет, что его путешествие было воображаемым»¹⁸.

Модели описания и каталогизации элементов пространства будут складываться на протяжении XVII–XVIII веков, и путешествен-

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; пер. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Gove Philip Babcock. The imaginary voyage in prose fiction, 1700–1800: a history of its criticism and a guide for its study, with an annotated checklist of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800. New York: Columbia UP, 1941. P. 5.

никам приходится создавать собственную систему метафор для описания реальности. Об одном из островов С. Барроу сообщает: «он не похож на остров, но, кажется, точно на нем выстроен замок»; описывая отдаленное место, пишет: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку, стоящую у моря», а говоря о пробе грунта, делает следующее сравнение: «лот дал что-то вроде коросты с паршивой головы»¹⁹.

Инструкция, составленная Себастьяном Каботом²⁰ для первой английской экспедиции в Московию в 1553 г., призывает фиксировать как естественнонаучные, так и социокультурные характеристики пространства. И хотя специализация знания еще не привела к оформлению отдельных дисциплин, травелог, как вербальное описание увиденного, должен включать в себя потенциально полезную для заказчика или организатора путешествия информацию.

В инструкции сказано, что все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». В то же время признается ограниченность возможностей человеческого ума и сообщается, что командиры должны собираться раз в неделю и обсуждать записи. «После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»²¹. Так возникает сообщество, критически анализирующее данные и ставящее перед собой цель «объективного» описания действительности.

Впоследствии практики основанного на эмпирике восприятия реальности будут отражены в работах философов, с которыми часто связывают развитие данных методов познания, например, с деятельностью Френсиса Бэкона (1561–1625). Не случайно на фронтиспise «Нового Органона» 1620 г. изображено судно, проходящее сквозь Геркулесовы столпы. Таким образом Френсис Бэкон бросает вызов античному представлению о границах мира и традиции Аристотеля в его постижении. Бэкон призывает рассечь и анатомировать мир, взглянув на него заново собственными глазами, отказавшись от традиционных представлений: «*Разве можно не считаться с тем, что*

¹⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / отв. ред. Н. Л. Рубинштейн; пер. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 100.

²⁰ Там же. С. 29–37.

²¹ Там же. С. 30.

дальние плавания и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, проливающих новый свет на философию. И конечно, было бы стыдно, если бы, в то время как границы материального мира — земли, моря и звезд — так широко раздвинулись, разум продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними»²².

Примерно в это же время в 1620-м г. Оуэн Фелтхам опубликует сочинение «Суждения, или Мысли, божественные, моральные и политические», куда будет включено эссе «О путешествии». Фелтхам пишет: «Нет карты подобной личному осмотру страны. Опыт — лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания»²³.

Традиция эмпирического описания реальности, основанная на опыте, к концу первой трети XVII века будет распространена не только в Англии. В «Рассуждении о методе» в 1637 г. Декарт пишет: «Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира, и употребил остаток моей юности на то, чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытать себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий»²⁴. Рациональное мышление и эмпирический опыт — два основания, на которых будет основано «объективное» знание, в основе которого лежит критика предшествующих описательных установок, устойчивость которых Ф. Бэкон связывал с так называемыми «Идолами».

Как и Бэкон, Рене Декарт отводил большую роль в преодолении стереотипных моделей описания путешествию: «Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не

²² Бэкон Ф. Сочинения: в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 20.

²³ Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political. London: Pickering, 1840. P. 194–196.

²⁴ Декарт Р. Сочинения: в двух томах / пер. с фр. И. Вдовиной. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 255.

особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума»²⁵.

XVII век считается эпохой, когда знания, полученные эмпирическим путем, становятся основным источником сведений об устройстве реальности. Так называемая «научная революция» во многом является следствием разделения практик описания на эмпирические, основанные на опыте, и традиционные, основанные на трудах авторитетов и личном духовном знании. Фактически происходит столкновение двух представлений об «объективности». Стараясь примерить противоречие между ними, Ф. Бэкон напишет: *«Пусть никто, стремясь к славе неверно понятым здравомыслия и умеренности, не считает, что можно весьма преуспеть в книгах как божественного, так и светского содержания с помощью теологии либо философии; напротив, пусть люди дерзают и смело стремятся в бесконечную даль и достигают успеха в той и другой областях, лишь бы это знание порождало благочестие, а не высокомерие, служило для пользы, а не для хвастовства; и еще: пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения — теологию и философию и их источники»²⁶.*

Но обе эти практики отрицают роль воображения и вымысла, статус которого остается неоднозначным вплоть до XIX века, когда будет признано его существование и, таким образом, поставлен под вопрос статус достоверного знания. Авторы больше не скрывают фиктивность описываемых ими странствий, что относит их произведения к разряду развлекательных и далеких от реальности. Ч. Миллз в 1822 г. о воображаемых путешествиях напишет: *«тяжелый и бесполезный класс беллетристики. Бесполезный, потому что существует только за счет воровства из более оригинальных источников, а тяжелый, потому что то, что изобретено настоль-*

²⁵ Там же. С. 255–256.

²⁶ Бэкон Ф. Сочинения: в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 93.

ко ограничено и сковано реальностью, к которой он восходит, что самая живая фантазия будет парализована»²⁷.

Таким образом, описания пространства, основанные на опыте или традиции, могли включать в себя мифические и сакральные образы за счет включения их в известное географическое пространство, но к середине XIX века распространение специализированных знаний о мире формирует представление о пространстве как об освоенном и известном, а воображаемые образы утрачивают статус «объективных», полностью уйдя в область вымысла.

²⁷ *Paul Longley Arthur (ed.) Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes 1605–1837. London: Anthem Press, 2010. P. 134.*